

Богоматерь, спустившись в ад, исполнилась жалости к грешникам и стала просить Христа об их помиловании.

В центре композиции Дионисия на фоне розовой стены сидит на троне Христос. По сторонам трона, как это принято изображать в Деисусе, стоят Богоматерь и Иоанн Предтеча. Доброта, свойственная искусству Дионисия, особенно ощущается в этой фреске. Христос изображен здесь не строгим и мудрым судьей, благословляющим одной рукой, а в другой держащим Евангелие. Его правая рука отставлена в ораторском жесте, словно он прислушивается к мольбам. Позы Богоматери и Предтечи полны достоинства. Мольба о помиловании грешников выражена только легким наклоном головы и протянутыми руками. В Предтече нет и следа аскетизма. Обычная одежда пустытника — власьяная милоть — заменена античным хитом и гиматием. У ног Богоматери и Иоанна контуром нанесены поднимающиеся из-за горok коленопреклоненные фигуры.

Композиция Дионисия отличается от обычных Деисусов тем, что наверху, на небе, написан медальон с поясным изображением Христа в белых сияющих ризах. Медальон поддерживают два летящих ангела, напоминающие тех, которые писались в сценах Вознесения. Повторное изображение Христа передает слова икоса 8 (песня 15) «Весь бе в нижних и в вышних...». На слова икоса 8 и написана эта сцена. Сложные рассуждения Акафиста о единстве божественной и человеческой сущности Христа переданы композиционным единством всего изображения. Но связь между небом и землей представлена художественными образами, которые были доступны и понятны каждому простому человеку: за светлорозовой оградой рая благородные, спокойные Богородица и Иоанн Креститель молят Христа о людях, которые живут на земле. Дионисий передал не только богословскую часть икоса, но и его лирически-взволнованные возгласы: «Радуйся, ею же отверзся рай, радуйся, ключу царствия Христова, радуйся, надеждо благ вечных...». Расположение этой сцены возле западной стены с изображением Страшного суда подчеркивает вложенное в нее содержание, усиливает эмоциональное воздействие.⁴¹

В икосе 9 (песня 17) «Витии многовещанные, яко рыбы безгласные...» говорится, что витии оказались безгласными, как рыбы, не будучи в силах объяснить, как могла Мария, оставаясь девой, родить сына. Дионисий все внимание сосредоточил на Марии. Он создал образ удивительной духовной чистоты. Она сидит на золотом престоле так легко, что, кажется, только слегка касается сидения. Обе ее воздетые руки обращены ладонями к зрителю, словно высшая благодать нисходит на нее. Она одна. С ней нет младенца. Дионисий подчеркивает, что она — дева.⁴² Темный мафорий покрывает ее голову, покатые плечи, грудь и спадает на спину, открывая спереди лазоревое платье. Спокойная, вся обращенная к людям, она отражает слова возгласов девятого икоса, сравнивающих ее с «кораблем» для тех, кто хочет «спастися», с «пристанищем житейских плаваний». Дионисий никого не поместил подле нее, как это сделал мастер, расписавший Смоленский собор Новодевичьего монастыря и как впоследствии стал предписывать русский подлинник.⁴³ Мария в изображении Дионисия настолько внутренне просветленная, что никто не мо-

⁴¹ Ни в одном из известных нам изображений икоса 8 вне России не встречается композиции Деисуса. В русских памятниках эта композиция обычна.

⁴² См.: Д. Айналов и Е. Редин. Киево-Софийский собор. СПб., 1889, стр. 40.
⁴³ Н. П. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне, стр. 99—100. По святителю по сторонам Богоматери изображено на иконах: «Похвала» Успенского собора Московского Кремля, «Похвала» Гос. Третьяковской галереи, № 12110, «Похвала» XVII в. на Рогожском кладбище в Москве.